

АЛЕКСАНДР КУПРИН

Белый Пудель

РАССКАЗЫ

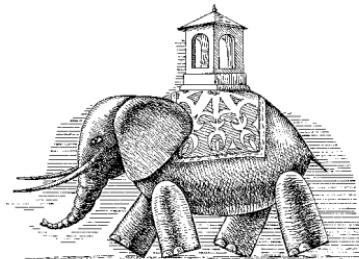

Иллюстрации Надежды Воробьёвой

#эксмодетство

Москва
2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К92

Куприн, Александр Иванович.

K92 Белый пудель : рассказы / Александр Куприн ; ил. Надежды Воробьёвой. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. : ил. — (Правильное чтение).

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096682-0

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

БЕЛЫЙ ПУДЕЛЬ

1

Узкими горными тропинками, от одного дачного посёлка до другого, пробиралась вдоль южного берега Крыма маленькая бродячая труппа. Впереди обыкновенно бежал, свесив набок длинный розовый язык, белый пудель Арто, остриженный наподобие льва. У перекрёстков он останавливался и, махая хвостом, вопросительно оглядывался назад. По каким-то ему одному известным признакам он всегда

безошибочно узнавал дорогу и, весело болтая мохнатыми ушами, кидался галопом вперёд. За собакой шёл двенадцатилетний мальчик Сергей, который держал под левым локтем свёрнутый ковёр для акробатических упражнений, а в правой нёс тесную и грязную клетку со щеглом, обученным вытаскивать из ящика разноцветные бумажки с предсказаниями на будущую жизнь. Наконец сзади плёлся старший член труппы — дедушка Мартын Лодыжкин, с шарманкой на скрюченной спине.

Шарманка была старинная, страдавшая хрипотой, кашлем и перенёсшая на своём веку не один десяток починок. Играла она две вещи: унылый немецкий вальс Ланнера¹ и галоп из «Путешествия в Китай»² — обе

¹ Ланнер, Иозеф Франс Карл (1801—1843) — австрийский композитор.

² «Путешество в Китай» — опера в 3-х действиях, перевод Н. Куликова.

бывшие в моде лет тридцать-сорок тому назад, но теперь всеми позабытые. Кроме того, были в шарманке две предательских трубы. У одной — дискантовой — пропал голос; она совсем не играла, и поэтому, когда до неё доходила очередь, то вся музыка начинала как бы заикаться, прихрамывать и спотыкаться. У другой трубы, издававшей низкий звук, не сразу закрывался клапан: раз загудев, она тянула одну и ту же басовую ноту, заглушая и сбивая все другие звуки, до тех пор пока ей вдруг не приходило желание замолчать. Дедушка сам сознавал эти недостатки своей машины и иногда замечал шутливо, но с оттенком тайной грусти:

— Что́ поделаешь?.. Древний оргán... простудный... Заиграешь — дачники обижаются: «Фу, говорят, гадость какая!» А ведь пьесы были очень хорошие, модные, но только нынешние господа

нашей музыки совсем не обожают. Им сейчас «Гейшу»¹ подавай, «Под двуглавым орлом», из «Продавца птиц» — вальс. Опять-таки трубы эти... Носил я орган к мастеру — и чинить не берётся. «Надо, говорит, новые трубы ставить, а лучше всего, говорит, продай ты свою кислую дребедень в музей... вроде как какой-нибудь памятник...» Ну, да уж ладно! Кормила она нас с тобой, Сергей, до сих пор, бог даст, и ещё покормит.

Дедушка Мартын Лодыжкин любил свою шарманку так, как можно любить только живое, близкое, пожалуй, даже родственное существо. Свыкнувшись с ней за многие годы тяжёлой бродячей жизни, он стал наконец видеть в ней что-то одухотворённое, почти сознательное. Случалось иногда, что ночью, во врем-

¹ «Гейша» — оперетта австрийского композитора Карла Целлера (1842—1898).

мя ночлега, где-нибудь на грязном постоялом дворе, шарманка, стоявшая на полу, рядом с дедушкиным изголовьем, вдруг издавала слабый звук, печальный, одинокий и дрожащий: точно старческий вздох. Тогда Лодыжкин тихо гладил её по резному боку и шептал ласково:

— Что, брат? Жалуешься?..
А ты терпи...

Столько же, сколько шарманку, может быть, даже немного больше, он любил своих младших спутников в вечных скиниях: пуделя Арто и маленького Сергея. Мальчика он взял пять лет тому назад «на прокат» у забулдыги, вдового сапожника, обязавшись за это уплачивать по два рубля в месяц. Но сапожник скоро умер, и Сергей остался навеки связанным с дедушкой и душою, и мелкими житейскими интересами.

2

Тропинка шла вдоль высокого прибрежного обрыва, извиваясь в тени столетних маслин. Море иногда мелькало между деревьями, и тогда казалось, что, уходя вдаль, оно в то же время подымается вверх спокойной могучей стеной, и цвет его был ещё синее, ещё гуще в узорчатых прорезах, среди серебристо-зелёной листвы. В траве, в кустах кизиля и дикого шиповника, в виноградниках и на деревьях — повсюду заливались цикады; воздух дрожал от их звенящего, однообразного, неумолчного крика. День выдался знойный, безветренный, и накалившаяся земля жгла подошвы ног.

Сергей, шедший, по обыкновению, впереди дедушки, остановился и ждал, пока старик не поправлялся с ним.

— Ты что, Серёжа? — спросил шарманщик.

— Жара, дедушка Лодыжкин... нет никакого терпения! Искупаться бы...

Старик на ходу привычным движением плеча поправил на спине шарманку и вытер рукавом вспотевшее лицо.

— На что бы лучше! — вздохнул он, жадно поглядывая вниз, на прохладную синеву моря. — Только ведь после купания ещё больше разморит. Мне один знакомый фельдшер говорил: соль эта самая на человека действует... значит, мол, расслабляет... Соль-то морская...

— Врал, может быть? — с сомнением заметил Сергей.

— Ну вот, врал! Зачем ему врать? Человек солидный, непьющий... домишко у него в Севастополе. Да потом здесь и спуститься к морю негде. Подожди, дойдём ужотко до Мисхора, там и пополощем телеса свои грешные. Перед обедом оно лестно,

искупаться-то... а потом, значит, поспать трошки... и отличное дело...

Арто, услышавший сзади себя разговор, повернулся и подбежал к людям. Его голубые добрые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания.

— Что, брат пёсик? Тепло? — спросил дедушка.

Собака напряжённо зевнула, завив язык трубочкой, затряслась всем телом и тонко взвизгнула.

— Н-да, братец ты мой, ничего не поделаешь... Сказано: в поте лица твоего, — продолжал наставительно Лодыжкин. — Положим, у тебя, примерно сказать, не лицо, а морда, а всё-таки... Ну, пошёл, пошёл вперёд, нечего под ногами вертеться... А я, Серёжа, признаться сказать, люблю, когда эта самая теплынь. Орган вот только мешает, а то, кабы не работа, лёг бы где-ни-

будь на траве, в тени, пузом, значит, вверх, и полёживай себе. Для наших старых костей это самое солнце — первая вещь.

Тропинка спустилась вниз, соединившись с широкой, твёрдой, как камень, ослепительно-белой дорогой. Здесь начинался стаинный графский парк, в густой зелени которого были разбросаны красивые дачи, цветники, оранжереи и фонтаны. Лодыжкин хорошо знал эти места; каждый год обходил он их одно за другим во время виноградного сезона, когда весь Крым наполняется нарядной, богатой и весёлой публикой. Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые. Магнолии, с их твёрдыми и блестящими, точно лакированными листьями и белыми, с большую тарелку величиной, цветами; беседки, сплошь затканные виноградом, свесившим вниз тяжёлые гроздья; огромные

многовековые платаны с их светлой корой и могучими кронами; табачные плантации, ручьи и водопады, и повсюду — на клумбах, на изгородях, на стенах дач — яркие, великолепные душистые розы, — всё это не переставало поражать своей живой цветущей прелестью наивную душу мальчика. Он высказывал свои восторги вслух, ежеминутно теребя старика за рукав.

— Дедушка Лодыжкин, а дедушка, глянь-кось, в фонтането — золотые рыбы!.. Ей-богу, дедушка, золотые, умереть мне на месте! — кричал мальчик, прижимаясь лицом к решётке, огораживающей сад с большим бассейном посередине. — Дедушка, а персики! Вона сколько! На одном дереве!

— Иди-иди, дурашка, чего рот разинул! — подталкивал его шутливо старик. — Погоди, вот дойдём мы до города Новороссийского и, значит, опять пода-

димся на юг. Там действительно места — есть на что посмотреть. Сейчас, примерно сказать, пойдут тебе Сочи, Адлер, Туапсе, а там, братец ты мой, Сухум, Батум... Глаза раскосишь, глядемши... Скажем, примерно — пальма. Удивление! Ствол у неё мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой обоим укрыться впору.

— Ей-богу? — радостно удивился Сергей.

— Постой, сам увидишь. Да мало ли там чего? Апельцын, например, или хоть, скажем, тот же лимон... Видал небось в лавочке?

— Ну?

— Просто так себе и растёт в воздухе. Без ничего, прямо на дереве, как у нас, значит, яблоко или груша... И народ там, братец, совсем диковинный: турки, персы, черкесы разные, все в халатах и с кинжалами... Отчаянный народишко! А то бывают

там, братец, эфиопы. Я их в Батуме много раз видел.

— Эфиопы? Знаю. Это которые с рогами, — уверенно сказал Сергей.

— Рогов, положим, у них нет, это врачи. Но чёрные, как сапог, и даже блестят. Губищи у них красные, толстенные, а глазищи белые, а волосы курчавые, как на чёрном баране.

— Страшные поди... эфиопы-то эти?

— Как тебе сказать? С не-привычки оно точно... опасаешься немного, ну а потом видишь, что другие люди не боятся, и сам станешь посмелее. Много там, братец мой, всякой всячины. Придём — сам увидишь. Одно только плохо — лихорадка. Потому кругом болота, гниль, а притом же жарища. Тамошним-то жителям ничего, не действует на них, а пришлому человеку приходится плохо. Одначе будет нам с тобой, Сергей, языками

трепать. Лезь-ка в калитку. На этой даче господа живут очень хорошие... Ты меня спроси: уж я всё знаю!

Но день выдался для них неудачный. Из одних мест их прогоняли, едва завидев издали, в других, при первых же хриплых и гнусавых звуках шарманки, досадливо и нетерпеливо ма-хали на них с балконов руками, в третьих прислуга заявляла, что «господа ещё не приехали». На двух дачах им, правда, заплатили за представление, но очень мало. Впрочем, дедушка никакой низкой платой не гнушался. Выходя из ограды на дорогу, он с довольным видом побрякивал в кармане медяками и говорил добродушно:

— Две да пять, итого семь копеек... Что ж, брат Серёженка, и это деньги. Семь раз по семи, — вот он и полтинник набежал, значит, все мы трое сыты, и ночлег у нас есть, и старичку